

Наталья Антонова

Слишком верная

# ЖЕНА



Уютный детектив

**Наталия Николаевна Антонова**  
**Слишком верная жена**  
Серия «Уютный детектив»

*Издательский текст*

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=43627653](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43627653)*

*Слишком верная жена: Эксмо; М.; 2019*

*ISBN 978-5-04-105011-5*

**Аннотация**

В небольшом городке жили две сестры, Анна и Маргарита. Они дружили, хотя разница в характере бросалась в глаза. Про Анечку все говорили, какая она хорошая девочка – умница, отличница, характер золотой. Марго же, напротив, была оторвой. Несмотря на это, за Марго бегали десятки поклонников, она меняла мужчин как перчатки. И даже не побрезговала единственной любовью Анечки – ее горячо обожаемым мужем Сашей. Но Анна терпела. Все бы так и продолжалось, если бы одним утром Саша не был найден убитым на своей даче. Вины ли «девочки» в его смерти? Ответить на этот вопрос должен следователь Шура Наполеонов и его очаровательная подруга – детектив Мирослава Волгина.

# Содержание

Глава 1	5
Глава 2	66
Конец ознакомительного фрагмента.	85

# Наталья Антонова

## Слишком верная жена

© Антонова Н.Н., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

\* \* \*

Действующие лица и события романа вымышлены, и сходство их с реальными лицами и событиями абсолютно случайно.

*От автора*

# Глава 1

Наступил сентябрь, но приход осени оставался еще почти незаметным. Только листья постепенно становились золотыми, малиновыми, бронзовыми, ночи делались длиннее, но днем еще было достаточно тепло, и небо оставалось ослепительно-голубым. Впрочем, те, кто не обделен наблюдательностью, знают, что такой упоительной бирюзой небеса наполняются именно осенью, в самом ее начале.

А после прошедшего жаркого лета осень воспринималась как заслуженная награда, отдохновение, праздник. Казалось, что вокруг разлились умиротворение и благодать.

Чаще всего хотелось просто лежать на траве и смотреть на небо, наслаждаясь самим фактом своего существования.

Именно этим и занималась частный детектив Мирослава Волгина, когда ее позвал помощник Морис Миндаугас:

– Мирослава!

– Что случилось? – спросила она лениво, сгребая в охапку лежащего рядом черного пушистого кота Дона.

– Клиент звонит. Подойдете? Или сказать, чтобы позвонил попозже?

– Кто ему нас рекомендовал?

– Ян.

– Белозерский?!

– А у вас еще есть знакомые с таким именем? – усмехнул-

ся Морис.

– Вроде больше нет, – вздохнула она.

– Так что сказать клиенту?

– Сейчас подойду, – вздохнула Мирослава и, поднявшись с травы, направилась к дому.

Кот последовал за ней.

Рашид Нуралиев пребывал в прекрасном настроении, он умело вел свой джип «Мицубиси» и тихо напевал за рулем.

Рядом с ним сидел Геннадий Наливайко и молча смотрел на дорогу. Он давно уже знал почти весь песенный репертуар Рашида, хотя тот, как правило, пел на татарском языке.

– Ты чего такой хмурый? – не выдержав, спросил друга Нуралиев. – Может, мне сменить пластинку?

– Что? – растерянно переспросил Геннадий, вынырнув из своих размышлений.

– Спрашиваю, чего ты такой хмурый? Может, тебе другую песню спеть?

– Пой что хочешь, – отмахнулся Геннадий.

– Обижаешь.

– Извини.

– Да что случилось-то?

– Все то же, Иришке нездоровится, Таня сердится, что я уехал...

Таня была женой Геннадия, а Иришка – его восьмилетней дочерью.

– Постой, ты же говорил, что они у тещи в Калининграде отдыхают?! – удивился Рашид.

– Говорил, – понуро согласился Наливайко.

– Они вернулись, что ли?

– Нет! Они вернутся через две недели.

– Тогда не понимаю, чего твоя Таня сердится?

– Ну, она звонила, и я сказал, что мы с тобой едем завтра, то есть сегодня, к Сашке на дачу.

– Все равно ничего не понимаю, – сказал Рашид, – в чем проблема?

– В том, что я еду развлекаться...

– А ты едешь развлекаться? – усмехнулся Рашид.

– Выходит, что так, – вздохнул Геннадий.

– Друг, возьми меня с собой! – толкнул его локтем в бок Нуралиев.

– Ты лучше руль обеими руками держи, – проворчал Наливайко.

– Ох, и зануда же ты, Генка!

Наливайко тяжело вздохнул.

– Ты что, не мог объяснить своей Татьяне, что едешь на дачу не развлекаться, а отдыхать. И что если ты будешь дома чахнуть над телефоном, то Иришке лучше не станет.

– Я пытался...

– А она?

– Бросила трубку.

– Правильно я делаю, что не женюсь, – констатировал Ра-

шид.

– Нет, не правильно, – возразил Наливайко, – мужчина обязан жениться, любить свою жену, растить детей.

– Я же говорю, зануда, – ухмыльнулся Нуралиев, – и как только мы с Сашкой тебя столько лет терпим.

– Вам видней.

– Ладно, не обижайся и не нуди. Успокойся твоя Танюха, просто она сейчас нервничает. Вот поправится Иришка, и все будет в ажуре.

– Думаешь?

– Уверен! – оптимистично ободрил Рашид друга.

Судя по изменившемуся выражению лица Геннадия, за-верения друга его и впрямь успокоили. Он стал смотреть на проплывающие мимо пейзажи за окном. Потом выдохнул:

– Красота!

– То-то! – удовлетворенно отозвался Рашид и запел свою очередную песню.

Утренний воздух был прозрачным и прохладным, как родниковая вода.

– Да, кстати, откуда у тебя синяк под глазом? – спросил долго молчавший Геннадий.

– Ты что, только сейчас заметил? – фыркнул Рашид.

– Нет, почему, – пожал плечами Наливайко, – заметил я сразу, а спросить решил сейчас.

– О шкаф ночью ударился.

– Не знал, что у твоих шкафов есть кулаки, – улыбнулся

Геннадий.

– Отстань, – отмахнулся Нуралиев.

– Не хочешь – не говори.

– Не хочу.

Они въехали в дачный поселок, запахло поздними яблоками, грушами, виноградом, хризантемами, бархатцами и еще какими-то поздними цветами.

Дача Александру Фалалееву досталась от родителей. И он сбегал на нее, чтобы отдохнуть от жены или любовницы, а иногда просто чтобы покуролесить с друзьями.

Знали друг друга друзья давно, можно сказать, с детства. Саша и Гена вместе учились, а Рашид жил в одном подъезде с Александром, был их ровесником, но учился в другой школе с углубленным изучением английского языка. Отец Рашида мечтал, чтобы сын стал дипломатом. Но как-то не сложилось...

Несмотря на то, что английский Нуралиев изучил в совершенстве, работал он начальником отдела безопасности сети молочных магазинов «Дойная корова» и был очень доволен местом своей работы.

Гена стал учителем и преподавал химию в той же школе, в которой когда-то учился сам. А Александр устроился на работу менеджером в фармацевтическую компанию, которая оказывала посреднические услуги между крупными поставщиками и сетью местных аптек.

– Паразит ты, Саня, – ласково говорил другу время от вре-

мени Рашид.

– Это еще почему? – всякий раз вскидывался тот.

– Потому как ничего не делаешь, а деньги имеешь.

– Как это ничего не делаю?! – притворно возмущался тот, подыгрывая другу, – я ввожу на рынок необходимые народу лекарства.

– Я и говорю, что, не пачкая рук, стрижешь шерсть сразу с двух овец.

– С каких еще овец?!

– С продавца и с покупателя.

Саша принимался возмущаться, а Рашид только хохотал в ответ. Тогда Фалалеев шел в наступление:

– А сам-то! – восклицал он.

– Что сам? – хитро прищуривал карие глаза Рашид.

– Можно подумать, что ты сам молоко даешь!

– Не горячись, Санек, у нас все чисто.

– Разъясни непонятливому.

– Разъясняю, – охотно включался в игру Рашид, – сеть молочных магазинов «Дойная корова» принадлежит Марату Наильевичу Курбанову, ему же принадлежит ферма в пригороде и завод по переработке молока и превращения его в сметану, творог, кефир и другие полезные для здоровья народа продукты. Так что у нас все по-честному.

– По-честному у них, – беззлобно ворчал Александр.

Геннадий, как правило, в их привычные пререкания не вмешивался и лишь иногда ронял:

– И не надоело вам?

– Нет! – чуть ли не в один голос радостно откликнулись друзья.

Рашид остановил свой джип почти у самого забора Сашиной дачи. Забор был самым обыкновенным, не двухметровым, а, можно сказать, советским, из дерева и со щелями. Рашид не раз предлагал другу организовать современный забор, чтобы было круто, как у всех. Но Александр отмахивался:

– Зачем мне на этой даче такой забор, тут красть, кроме яблок и цветов, нечего. И потом, – добавлял он глубокомысленно, – если я тут все сделаю на «отлично», сюда жена поведется ездить, а так она эту дачу не любит и зовет ее не иначе, как – «шесть соток с видом на деревянный туалет». Так что я тут душой отдыхаю.

– Ну, тебе виднее, – отвечал Рашид, в душе соглашаясь с точкой зрения друга.

К жене Александра Анне он относился хорошо, впрочем, как и к Гениной Татьяне, но время от времени хотелось отдохнуть в чисто мужской компании. И места для этого лучше, чем старая Сашкина дача, он не знал...

– Слушай, калитка почему-то нараспашку, – сказал Геннадий.

– Да, действительно, – недоуменно согласился Рашид и предположил: – Может, у них летнюю воду вырубил, и он в колонку с ведрами пошел?

– Может...

– Ладно, я джип закрою и пойдем, подождем его в доме.

Геннадий зашел во двор, сорвал яблоко с ветки яблони, растущей у самой калитки, вытер его носовым платком и с наслаждением надкусил. Сладкий сок брызнул на язык.

– У-у, – промычал он довольно.

– Чего мычишь? – рассмеялся Рашид.

– Вкусно! – ответил, прожевав кусочек, Наливайко.

– Соблазнитель ты, Генка, – ухмыльнулся Нуралиев и тоже сорвал яблоко, – и как таких, как ты, к детям допускают?

– Причем здесь яблоки и дети? – удивился Наливайко.

– Темный ты, Генка, а еще учитель.

– Сам ты темный.

– Ага, коли светлый, то вспомни, из-за чего Еву с Адамом из рая выгнали? – рассмеялся Рашид.

– Тебе бы только поржать, – невозмутимо ответил Геннадий, вытирая руки платком.

– Ну, чего, в дом почапаем?

– Пошли.

Они прошли по скрипящим половицам сеней. На скамейке стояли ведра, полные воды. На кухне было открыто окно, и ветер беззастенчиво трепал тонкую жалобно шуршащую занавеску, пользуясь ее полной беззащитностью.

– А может, он сходил за водой и опять заснул? – предположил Наливайко.

– Пошли, посмотрим. Ну, если Сашка дрыхнет, я на него

ведро воды вылью, – пригрозил Рашид.

– Чего он не может у себя дома прилечь отдохнуть?

– Сходил за водой и умаялся, – усмехнулся Рашид, – он должен был червей накопать, лодку привести в порядок, удочки и еду приготовить.

– Должен...

– Как мы и договаривались! – Рашид отстранил друга и первым влетел в спальню.

Наливайко последовал за ним, но был чуть ли не сбит с ног вылетевшим обратно из комнаты Нуралиевым.

– Ты чего? – отпрынул Геннадий, – на тебе лица нет...

– Цыц! – Рашид прижал руку к горлу.

– Ты чего? – повторил Наливайко и хотел заглянуть через плечо друга.

– Не ходи туда, Ген.

Рашид вытащил сотовый и стал нажимать на кнопки. Ничего не понимающий Геннадий удивленно наблюдал за другом.

– Зачем «Скорую» и «Полицию»? Сашке плохо?

– Очень плохо, – подтвердил Рашид, схватил друга за рукав и потащил обратно к двери.

Тот шел, не сопротивляясь, и лишь когда Рашид вытолкнул его из сеней на крыльцо, потребовал:

– Объясни, в чем дело!

– Сашку убили.

– Как убили?!

– Не знаю, как, кровь там.

– Может, он еще живой, – Наливайко устремился было обратно в дом.

Но Нуралиев схватил его за рукав:

– Стой! Не ходи туда. Не живой он.

– Но посмотреть-то надо!

– Полиция приедет и посмотрит, – проговорил Рашид, не выпуская рукав друга из рук.

– Дапусти ты!

– Успокойся. Сашке ничем не поможешь. А топтаться там не надо. Пусть полиция найдет только следы убийцы.

– Ты думаешь, они там есть? – шепотом спросил Наливайко.

– Должны быть, – повел широченными плечами Нуралиев, – не бесплотный же дух там орудовал.

– Что мы Ане теперь скажем? – испуганно спросил Наливайко.

Рашид снова пожал плечами и опустил голову.

Полиция и «Скорая» приехали почти одновременно. Наливайко поспешил на звук сирены и, встав в проеме калитки, замахал рукой:

– Сюда!

Следователь Александр Наполеонов был раздражен и пребывал, мягко говоря, не в духе. И понять его было можно: дежурство заканчивалось, и вот на тебе – вызов. А так хоте-

лось домой, съесть поздний завтрак, приготовленный мамой, и завалиться спать.

«Но, видно, не судьба», – философски подумал следователь.

Зато фотограф Валерьян Легкоступов был полон энтузиазма. Казалось, что чувство усталости вообще было ему неведомо.

– Как здорово, что мы едем за город! – радовался он еще в машине.

Наполеонов даже не стал спрашивать, что было в этом здорового, только бросил на фотографа тяжелый взгляд, который Валерьян даже не заметил.

Судмедэксперт, ироничный Зуфар Раисович Илинханов, на этот раз отмалчивался. Эксперт-криминалист, благодушный Афанасий Гаврилович Незовибатько, отзвонившись любимой жене Оксане: «Оксаночка, не волнуйся, я задержусь», – дремал всю дорогу. Молодой опер Аветик Григорян, разложив на коленях газеты, сосредоточенно разгадывал кроссворд.

– Помочь? – спросил Илинханов.

Григорян в ответ покачал головой.

– Все при деле, – фыркнул про себя Наполеонов и подумал, что ему тоже неплохо было бы подремать. Но спать расхотелось. И, словно прочитав его мысли, Илинханов протянул ему термос с кофе.

– Спасибо, – поблагодарил следователь и отлил себе

немного ароматной жидкости в нахлобученный на термос пластиковый стаканчик.

Въехав в дачный поселок, полицейский автомобиль проехал по прямой, свернул направо, как объяснил звонивший, проехал несколько метров и остановился.

– Так, куда дальше? – задумчиво произнес водитель.

Но тут полицейские заметили в проеме калитки одной из дач мужчину, который призывно махал им рукой.

– Кажется, приехали, – проговорил следователь и выбрался из автомобиля.

– Сюда, сюда, – позвал поспешивший им навстречу Наливайко.

Рядом затормозила «Скорая».

– Что у вас тут? – спросил Наполеонов.

– Сашу убили, – ответил Геннадий.

– Вы видели?

– Нет, Рашид зашел, увидел и сразу вызвал вас.

Нуралиев не спеша приблизился к прибывшим.

– Следователь, Александр Романович Наполеонов.

– Рашид Шамильевич Нуралиев.

Наливайко растерянно вытаращил глаза на следователя, но потом сморгнул и тоже представился:

– Геннадий Федорович Наливайко.

– Я пойду прослежу, чтобы не затоптали, – проговорил Незовибатько и проследовал в дом за врачами. Криминалист следом за ним стал подниматься по ступеням.

– Он в комнате лежит, – запоздало вырвалось у Наливайко.

Медики вышли быстро, сказали, что их помощь не требуется, и «Скорая» отъехала от дома. Оперативная группа, напротив, вошла вовнутрь, чтобы задержаться там надолго.

– Смерть наступила от удара тяжелым предметом по голове, – констатировал медэксперт.

Рядом валялась пустая бутылка из-под пива. Как ни странно, она не разбилась. Бутылку со следами крови и прилипшими к ней волосками упаковал, как вещественное доказательство, эксперт-криминалист.

На столе в банке было несколько окурков со следами губной помады и без оных.

– Убитый вам знаком? – спросил следователь Нуралиева.

– Конечно!

– Его имя, отчество и фамилия.

– Фалалеев Александр Денисович.

– Как давно вы знакомы?

– Можно сказать, всю жизнь!

– А точнее?

– С детства.

– Зачем приехали сегодня?

– Зачем к другу на дачу приезжают? – хмуро фыркнул Рашид.

– Отдохнуть мы хотели, – быстро вставил Геннадий.

– Фалалеев вас ждал?

– Должен был...

– Вы ему звонили?

– Да, вчера мы обо всем договорились, хотя планировали приехать еще с понедельника.

– А сегодня вы ему звонили?

– Нет, зачем? Мы же уже договорились обо всем вчера.

– Но все же? – настаивал следователь.

– Сашка не барышня, чтобы мы ему без конца названивали, – отрезал Рашид.

Наполеонов внимательно посмотрел на него, но ничего не сказал.

– На полу остались следы от обуви, – обронил Незовибатько, ни к кому не обращаясь.

– Мы не заходили, – испуганно проговорил Наливайко.

– Покажите-ка ваши туфельки, – пробасил Незовибатько и, взглянув на обувь Наливайко и Нуралиева, вздохнул с сожалением: – Размерчик не тот. Следы оставлены женскими туфлями.

– Скорее всего, убийство произошло накануне, туфли-то, видать, грязные были, – заметил Аветик.

– Дождь шел вчера вечером и ночью, – сказал кто-то.

– Ну вот, тогда и убили, – невозмутимо ответил Незовибатько и обратился к медэксперту: – Да, Зуфар Раисович?

– Да, часов пять-десять с момента смерти прошло. Подробнее после вскрытия, – ответил Илинханов.

– То есть утро исключается? – покосился на Рашида и Ген-

надия следователь.

– Почему исключается, часа в четыре-пять могли убить, – обронил Илинханов.

Но самой интересной находкой была записка, лежащая на полу. Ее и передал Наполеонову эксперт:

«Жди меня на даче в 9 вечера», – было написано там то-ропливым женским почерком.

– Смерть могла наступить в это время? – ткнул в записку Наполеонов.

– Навряд ли, – сказал Илинханов, – позднее.

– Понятно, – следователь поднялся на носки и резко опустился на пятки, внимательно оглядел комнату, что-то прикидывая.

Фотограф тем временем самозабвенно делал снимки, выбирая то один, то другой ракурс. Глаза его сияли, точно подсвеченные изнутри.

Следователь вздохнул, но от замечания воздержался.

– Пойдемте, поговорим в другой комнате, – поманил друзей Наполеонов, и они прошли на довольно уютную кухню с плитой и газовым баллоном.

Все разместились за деревянным столом на деревянных же табуретках, сработанных каким-то умельцем и покрашенных коричневой масляной краской. На столе не было скатерти, только несколько подставок под горячее.

– Итак, – сказал Наполеонов, – во сколько вы сюда приехали?

– Около восьми утра, – ответил Рашид.

– Почему так рано?

– Мы хотели сходить на рыбалку, – вставил Геннадий.

– Для рыбалки вроде как поздно, – задумчиво проговорил

Наполеонов.

Рашид пожал плечами и отвернулся к окну.

– Так мы ж не профессионалы, – пояснил Наливайко, – и не фанаты какие-то, мы для души.

– Понятно. У Фалалеева есть семья?

– Да, жена Аня.

– Полностью имя, отчество, фамилия.

– Анна Васильевна Фалалеева.

– Она не могла приехать к нему вечером?

– Нет, что вы! – Наливайко взмахнул обеими руками, –

Аньку сюда никаким калачом не заманишь.

– Это почему же? – удивился Наполеонов.

– Как почему? – в свою очередь, изумился Геннадий, – тут же нет никаких удобств!

– Почему же никаких? – Наполеонов кивнул на плиту, – газовая плита имеется.

– Плита, – фыркнул Наливайко, – газ-то баллонный!

– Ну...

– Вода в колонке, туалет на улице, ванны нет, – продолжал перечислять Наливайко.

– Так лето же! – возразил следователь.

– Ну и что, что лето. Тут еще и комары.

– Так вы же с другом приехали, и приятель тут ваш жил...

– Мы мужчины. А Анька привыкла к удобствам! Она у нас девочка домашняя.

– Хорошая девочка, – добавил Рашид.

Наполеонов посмотрел на него подозрительно, но иронии в голосе не уловил и подумал, что друзья, видимо, хорошо относились к жене погибшего.

– И где же отдыхает эта Аня?

– У родителей. У них там двухэтажный кирпичный дом со всеми удобствами, большой участок.

– Значит, супруги отдыхали врозь? – уточнил следователь.

– Когда как, – неопределенно отозвался Наливайко.

– Понятно...

– Были у вашего друга враги?

– Шутите, – фыркнул Рашид.

– Не до шуток вроде, – проговорил Наполеонов.

– Ну, какие у Сашки могли быть враги?

– Это как раз я хочу узнать от вас.

– Не было у него врагов, – подал голос Наливайко, – он не конфликтный был.

– Где работал Фалалеев?

– В посреднической фирме. Они получали лекарства у производителей и распространяли по аптекам.

– Фармацевтика, значит, – задумчиво произнес Наполеонов.

– Ну...

– То есть колыбель современных миллиардеров.

– Скажете тоже, – усмехнулся Рашид.

– Какой у вас автомобиль? – неожиданно обратился следователь к Наливайко.

– Какой у меня может быть автомобиль? – возмутился Геннадий, – я школьный учитель.

– Так, понятно, – а у вас? – обратился он к Нуралиеву.

– Джип «Мицубиси».

– А работаете вы?

– Начальником отдела безопасности сети молочных магазинов «Дойная корова».

– А какой автомобиль был у Фалалеева?

– Ну, «мерс».

– Чувствуете разницу? – спросил следователь.

– Не очень, – ответил Рашид и тут же добавил: – Кроме этой машины, у Сашки и не было ничего!

– То есть жилья у него не было?

– Почему не было, ему от родителей двушка в сталинке в центре досталась. Но он там не жил почти.

– А где жил?

– У Аньки! Они, как поженились, им папа-полковник шикарные апартаменты купил.

– То есть жил Александр Фалалеев последние годы постоянно в квартире жены?

– Ну, не совсем постоянно, – замялись друзья.

– То есть?

Рашид и Геннадий переглядывались и молчали.

– Ваш друг наставлял жене рога? – догадался Наполеонов.

– Почему сразу рога! – возмутился Геннадий.

– Да по мне хоть копыта, – сказал следователь.

– Но-но, – не выдержал Рашид, – Анна порядочная жен-

щина.

– Да-да, Аня хорошая девочка, – подтвердил Наливайко.

– А я спорю? – спросил следователь, – я просто хочу узнать, была ли у вашего друга любовница?

– Любимая женщина, – поправил Геннадий.

– Понятно. А жену свою Фалалеев не любил? – заинтересовался Наполеонов.

– Любил, – промямлил Наливайко, – просто по-другому.

– Что значит по-другому?

– Я не знаю, как объяснить...

– Просто Анна вся из себя правильная, – встрял Рашид, а Маргарита...

– Значит, любовницу зовут Маргаритой.

Нуралиев тяжело вздохнул.

– Вы тут мне все твердили, что Анна хорошая девочка. А Маргарита, выходит, плохая?

– Нет! – быстро ответил Нуралиев, – просто она яркая, страстная!

– И вам она нравилась?

Рашид замер, а потом тихо ответил:

– Да.

– И у вас с ней тоже были отношения?

– Вы с ума сошли!

– Потихонечко на поворотах, – усмехнулся следователь и спросил: – А жена и любовница знали о существовании друг друга или хотя бы догадывались?

– Знали, – вздохнул Наливайко.

– Они кузины, – бухнул Рашид.

– Кто?

– Двоюродные сестры, – пояснил Наливайко.

– Так их зовут...

– Аня и Рита.

– И учились вместе с вами?

– Нет, Санька познакомился с Аней на какой-то тусовке, и она ему понравилась.

– А потом она познакомила его с Маргаритой, – печально проговорил Геннадий.

– И тут-то все и завертелось, правильно я понимаю? – спросил следователь.

– Ну, примерно, так...

– Они часто ссорились?

– Кто?

– Кузины?

– Нет, я же вам говорил, что Аня, она очень хорошая и просто не может затеять ссору.

– Она и с мужем не выясняла отношений из-за его измен? – удивился следователь.

– Насколько нам известно, нет, – сказал Рашид.

– Она плакала, переживала, – добавил Геннадий.

– А ее папа был в курсе личной жизни дочери?

– Нет, Аня все скрывала от родителей.

– А Вера Никодимовна очень хотела внуков.

– Вера Никодимовна это кто?

– Мама Ани.

– Понятно. И почему же дочь не порадовала маму наследником?

– Саша не хотел, – пролепетал Геннадий.

– Пока не хотел, – поправил Рашид.

– Или не хотел от Анны? – уточнил Наполеонов.

Друзья промолчали.

– Понятно. И что мы имеем – брошенная жена, взбешенный родитель и... Маргарита была замужем?

– Была, но развелась. И Аня не брошенная жена.

– То есть?

– Саша решил вернуться к жене. А Филипп Арнольдович ничего не знал об Анечкиных горестях, я вам уже говорил! – рассердился Наливайко.

– Говорили, – не стал отрицать Наполеонов, – а Филипп Арнольдович, насколько я понимаю, папа-генерал?

– Да, Анечкин папа, но не генерал, а полковник.

– И вы уверены, что приложить зятя бутылкой он не мог? – уточнил Наполеонов.

– Да что вы такое говорите? – всплеснул обеими руками

Наливайко.

– Ну да, – согласился следователь, – полковнику было бы сподручнее пристрелить неверного зятя.

Геннадий замотал головой, а Рашид фыркнул и обратился к другу:

– Гена, не принимай так близко к сердцу. Разве ты не видишь, товарищ следователь прикалывается.

– Вы не правы, Нуралиев, я просто размышляю вслух. А где машина вашего друга?

– Надо думать, в гараже.

– А гараж?

– За домом.

Наполеонов собирался пойти посмотреть на автомобиль убитого Фалалеева, но не успел. На кухню неожиданно ворвался оперативник Аветик Григорян.

– Александр Романович! – закричал он с порога, – идите скорее!

– Куда?

– Я вам сейчас покажу! – И Аветик вылетел вон.

Наполеонов поднялся с табуретки и вышел следом за ним. Аветик уже выбежал из сеней на улицу и быстро пошел по асфальтированной дорожке в сторону древесных зарослей. За кустарниками оказалась тропинка, заросшая травой, шла она вдоль оврага и вскоре тоже выходила к калитке.

– И что? – спросил Наполеонов.

– Вы гляньте в овраг!

Наполеонов посмотрел и увидел на дне неглубокого оврага красную женскую туфельку.

Он присвистнул:

– Золушка башмачок потеряла.

– Вроде того.

– А как тебя сюда занесло?

– Обыкновенно. Вы же велели участок осмотреть. Я и осмотрел.

– Молодец! – похвалил следователь оперативника, – теперь надо ее достать, только осторожно, на вот, возьми платок и целлофановый пакет.

– Ага.

За плечом Наполеонова пыхтели прибежавшие следом Рашид и Геннадий.

– Ну, узнаете обувку? – спросил у них Наполеонов, принимая из рук Аветика туфельку.

– Сложно сказать, – пробормотал Геннадий.

– Аня такие вроде не носит, – подумав, ответил Рашид.

– Почему?

– Слишком яркие.

– А Маргарита?

– Не могу сказать...

– То есть вы на ней этих туфель не видели?

– Нет, – уверенно ответил Рашид.

Геннадий отрицательно помотал головой.

– Хорошо, – сказал следователь, – я вас пока отпускаю.

– Куда? – удивились друзья.

– На все четыре стороны. Но из города пока не уезжайте.

– Есть, начальник, – угрюмо усмехнулся Рашид.

– Куда я могу уехать в начале учебного года? – пробормотал Наливайко.

– Ну, вот и ладушки, – следовательно, не глядя больше на них, отправился в дом. Григорян шел за ним следом.

– Я чего хочу сказать, – заговорил Аветик, когда они почти дошли до асфальтированной дорожки.

– И чего?

– Вот, видите, – он ткнул на углубление в земле, – след...

– А дальше – нет, – Наполеонов присел и стал рассматривать почву.

– Нет, – согласился Аветик, присаживаясь рядом со следователем, – это потому, что дальше она по траве пошла.

– А возле оврага поскользнулась, тифелька слетела, и она за ней не полезла...

– Побоялась упасть в овраг.

– Он мелкий...

– Все равно, ведь она могла еще больше натоптать или даже оставить следы рук.

– Выходит, она шла по траве до самой калитки...

– Да.

– А там асфальт, – вздохнул Наполеонов.

– Но приехала она ведь на машине!

– Думаешь?

– На чем же еще сюда доберешься?

– На такси.

– Это слишком заметно, – не согласился Аветик.

– Если она приехала поздно вечером, как сказано в записке...

– Пойду поспрашиваю соседей?

– Иди, хотя сейчас на даче негусто народу, – задумчиво проговорил Наполеонов.

Эксперт снял отпечаток от туфли возле дорожки и след скольжения. А Легкоступов, забыв обо все на свете, фотографировал не только то, что относилось к делу, но и сам овраг, замшелые камни на его дне, кусты растущего неподалеку снежниковика, а потом перешел на окрестные пейзажи.

– Валерьян! – не выдержав, возмутился Наполеонов, – ты не на пленэре! Заканчивай свою самодеятельность!

– Сейчас, сейчас, – отмахнулся тот и нацелился объективом на позднего шмеля, примостившегося на ярко-желтой махровой хризантеме, – какое чудо, – бормотал он восторженно.

– Это самец! – пробасил Незовибатько.

– Какой же это самец? – возмутился Наполеонов, думая о находке, – туфля явно женская!

– Да я о шмеле, – хмыкнул Афанасий Гаврилович.

– О шмеле? О каком шмеле?

– О том, что Валерке позирует.

– Ах, о шмеле... – протянул следователь и вдруг удивился: – А ты откуда знаешь, что это самец?

– Мне теща сказала.

– Что-то я тут поблизости никаких тещ не наблюдаю, – прищурился Наполеонов.

– Очень ей нужно тут находиться, особенно возле тебя, – ухмыльнулся Незовибатько.

– Тогда как же она могла тебе сказать, что этот шмель – самец?

– Она заранее сказала.

– Да откуда она могла это знать!?

– Тещи знают все! – наставительно пробасил Афанасий Гаврилович и поднял вверх указательный палец.

– Твоя теща вещает тебе с небес? – улыбнулся Наполеонов.

– Типун тебе на язык! – рассердился Незовибатько.

Потом посмотрел на заинтересованные лица сослуживцев и снизошел до объяснения:

– Просто третьего дня на даче сынишка мой увидел шмеля и стал звать: «Бабушка, посмотри, какая большая и красивая пчелка». Теща и объяснила, что это самец шмеля. Я тоже удивился и спросил, откуда ей это известно. Она и сказала, что осенью на цветах сидят самцы шмелей. Они не умеют жалить, но зато источают приятный парфюмерный аромат.

– Надо же, – восхитился Валерьян и проговорил мечтательно: – Вот бы и мужчины так могли!

– Как? – спросил Наполеонов.

– Источать приятный парфюмерный запах.

– Ты не очень-то им завидуешь! – усмехнулся Незовибатько.

– Почему? – спросил фотограф.

– Потому, что до весны эти плюшевые создания уже не доживут.

– Как жаль! – искренне огорчился Валерьян.

– Они тут шмеля оплакивают, – возмутился Наполеонов, – а в доме, между прочим, лежит труп!

– Ах да, – проговорил Илинханов, – можно уже машину вызывать.

– Тьфу ты! – в сердцах воскликнул Наполеонов и быстро пошел прочь.

– Он, кажется, обиделся, – забеспокоился Аветик.

– Ничего, скоро успокоится, – спокойно заверил Незовибатько.

– В смысле? – не понял Григорян.

– В хорошем смысле!

Все, кроме Аветика, рассмеялись.

Опрос соседей ничего не дал. Кого-то не было дома, кто-то спал и ничего не слышал.

– Как всегда, – вздохнул Григорян.

– Во всяком случае, если бы к дому Фалалеева подъехала машина, кто-то да услышал бы, – сказал эксперт.

– Если поздно ночью, то не факт, – вздохнул следователь.

Наполеонов взял на себя печальную миссию оповещения жены Фалалеева о гибели мужа. Это не было жестом доброй воли по отношению к своим коллегам, просто следователь хотел лично увидеть реакцию вдовы.

Он въехал во двор, остановил машину возле подъезда и, преодолев три ступени крыльца, набрал номер квартиры по домофону.

– Говорите, – произнес женский голос через долю секунды.

«Она стояла, что ли, возле домофона», – подумал Наполеонов, а вслух произнес:

– Откройте, пожалуйста, полиция.

– Полиция?! – охнула женщина, и дверь подъезда открылась.

Следователь доехал до третьего этажа на лифте. Дверь, которая была ему нужна, уже была распахнута настежь.

– Я сразу поняла, что вы ко мне! – проговорила женщина, пристально вглядываясь в лицо следователя. – Что случилось? – спросила она встревоженно.

Он окинул ее взглядом. Ни тонкие правильные черты лица ее, ни легкие волосы, казалось бы, замершие в ожидании легкого ветерка, не делали ее красавицей. И тем не менее она была настолько трогательна и мила, что Наполеонову захотелось погладить ее, как гладят птичку, маленького зверька или беззащитного ребенка. Но он вовремя напомнил себе, что он при исполнении.

– Вы Фалалеева Анна Васильевна?

– Да, это я.

– Наполеонов Александр Романович, следователь.

– Что случилось? – повторила она свой вопрос.

– Ваш муж Александр Фалалеев найден мертвым на даче.

– Не может быть! – Она сжала свои тонкие руки в кулаки так, что ногти вонзились в мякоть ладоней. Но казалось, что она не ощущает физической боли.

– Увы, – сочувственно обронил Наполеонов.

– Его застрелили?!

– Нет, ударили бутылкой по голове.

– Слава богу! – вырвалось у Анны непроизвольно.

– Что?! – изумился следователь.

– Нет, ничего, – она стала медленно сползать по стене.

Следователь подхватил ее на руки, внес в первую, попавшуюся на его пути, комнату и положил на диван. Он ринулся было искать кухню, чтобы принести ей воды. Но вдова открыла глаза:

– Простите.

– Я принесу воды.

– Нет, не надо. Мне уже лучше. Рассказывайте.

– Что рассказывать?

– Кто и за что убил Сашу.

«Интересно», – подумал Наполеонов, а вслух сказал:

– Я хотел бы задать вам некоторые вопросы.

– Но кто убил Сашу?

– Я надеюсь выяснить это с вашей помощью.

– А как вы его нашли?

– Нас вызвали его друзья.

– Друзья?

– Да, Рашид Нуралиев и Геннадий Наливайко. Вы ведь знакомы с ними?

– Да, конечно, знакома. Но что они делали на Сашиной даче?

– Как они объяснили, приехали порыбачить.

– Приехали порыбачить, – повторила Анна механическим голосом, – и нашли Сашу неживым, – женщина судорожно сглотнула и прижала руки к горлу.

– Так они сказали...

– Нет! Это неправда!

– Что неправда? Вы считаете, что вашего мужа убили его друзья?

– Нет, конечно! То есть я не знаю...

– Они что, ссорились?

– Не то чтобы ссорились, но...

– Что но?

– Рашиду нравилась Маргарита. А Саше это не нравилось.

– Кто такая эта Маргарита? – спросил Наполеонов небрежно.

– Она моя сестра, – тихо проговорила женщина и добавила: – Двоюродная.

– И какое дело вашему мужу до того, кому нравится ваша

сестра?

– У них был роман, – всхлипнула Анна и опустила голову.

– У Рашида и Маргариты?

– Нет! – неожиданно громко выкрикнула Фалалеева, – зачем вы меня мучаете?!

– Я вас не мучаю, Анна Васильевна, я просто хочу найти убийцу вашего мужа.

– Роман был у моего мужа с Маргаритой, – уже спокойнее ответила женщина.

– Давно?

– Какая разница, давно или недавно? Саша ее бросил, и мы решили снова жить вместе.

– И ваша подруга об этом знала?

– Конечно, знала. Мы не делали из этого тайны.

– А кто еще знал?

– Все мои знакомые.

– И ваши родители?

– Нет, мои родители ничего не знали.

– Как же это могло случиться?

– Что случиться?

– Что ваши родители ничего не знали?

– Я скрывала от них. Тем более что живут они за городом.

Да и вообще у них совершенно другой круг общения.

– Скажите, вам знаком этот почерк? – Следователь протянул ей копию записки.

– Да, это писала Маргарита.

– Вот как. И кому она писала?

– Вам виднее, я же не знаю, где вы ее нашли.

– На вашей даче.

– На моей даче?

– На даче вашего мужа.

– Я там не бываю. А записка могла там валяться с тех са-  
МЫХ времен...

– С каких времен?

– Ну, с тех самых!

– Ваш муж что же, не убирался в жилом помещении?

– Я не знаю.

– А не подскажите, кому принадлежит эта туфля?

Анна внимательно пригляделась к фотографии и только  
потом сказала:

– Похожие туфли я видела у Маргариты.

– Похожие или эти? – попытался уточнить следователь.

– Я не могу этого сказать. Но очень похожи.

– Когда вы видели своего мужа последний раз?

– Три дня назад.

– Он что, трое суток не появлялся дома?

– Он сказал, что у него дела и, как видите, поехал на дачу  
пообщаться с друзьями.

– Он вам звонил?

– Да.

– А когда вы видели свою сестру?

– Примерно две недели назад.

– То есть несмотря на то, что она завела роман с вашим мужем, вы продолжали общаться? – уточнил Наполеонов.

– Время от времени, – неохотно призналась Анна.

«Очень интересно», – подумал следователь и вспомнил слова о Фалалеевой друзей ее мужа – «Аня хорошая девочка». «Неужто настолько хорошая», – недоумевал Наполеонов.

Потом спросил:

– Вы дадите мне адрес и телефон вашей кухни?

– Да, конечно, у меня есть ее визитка.

– Визитка? – не смог он скрыть удивления.

– Да, Марго очень хороший флорист, и я раздаю ее визитки знакомым.

«Психушка плачет по этой хорошей девочке, – подумал Наполеонов, покидая квартиру Фалалеевых, – хотя бабу жаль. Вроде все у нее есть. А муж – гад и сестра – змеюка». А потом сам себе возразил: «И чего это тебя, брат, на серпентарий потянуло?»

Маргарита оказалась дома. Когда она открыла дверь, Наполеонову захотелось прикрыть глаза. Яркая, раскованная, она затмевала скромную миловидность Анны, как солнце затмевает луну.

– Маргарита Максименкова? – спросил он на всякий случай.

– Она самая. А вы кто?

– Следователь Наполеонов. Александр Романович.

Она посмотрела на него, как ему показалось, вызывающе и даже нагло. Усмехнулась:

– Что ж вы, следователь Наполеонов, застыли столбом? Проходите.

Маргарита вроде бы даже и не удивилась приходу следователя. Он прошел следом за ней в уютную гостиную, стены которой были обиты пестрым ситцем под старину, она предложила ему на выбор два кресла и диван. Он выбрал стул.

Мимолетная улыбка скользнула по губам хозяйки квартиры, и она спросила:

– Чай, кофе?

Соблазн был велик, но Наполеонов ответил:

– Пока ничего, просто поговорим.

Она кивнула и села напротив него тоже на стул. Разрезы ее шелкового халата разошлись на бедрах, обнажая не просто красивые, а потрясающе красивые ноги.

Следователю на ум совсем некстати пришла Паулина – здоровенная бульдожина знаменитого в городе адвоката, у этой «образины», как называл ее про себя Наполеонов, почти всегда текли слюни. Вот и у него они, того и гляди, потекут...

– Так чем я заинтересовала полицию? – улыбаясь, спросила тем временем Маргарита.

– Когда вы в последний раз видели Александра Фалалеева?

– Сашу? – удивилась женщина.

Наполеонов кивнул.

– Где-то недели две назад. А что он натворил?

– Кое-что... А вчера вечером или ночью вы не были у него на даче?

– Нет, мы расстались.

– Когда?

– Вообще-то уже месяца полтора назад, – проговорила она задумчиво.

– Но тем не менее вы виделись две недели назад?

– Да, по его настоятельной просьбе. И наша встреча длилась не более пяти минут!

– Чего же он хотел?

– Начать все сначала.

– То есть?

– Наш роман, – усмехнулась она.

– А вы?

– Я заявила Саше о нашем окончательном разрыве. Понимаете, у меня появился другой человек, – пояснила она.

– И как он воспринял ваше сообщение?

– Поначалу, я имею в виду полтора месяца назад, вроде бы смирился, – невесело рассмеялась она.

– А потом?

– Потом вот позвонил, захотел меня увидеть и сказал, что жить без меня не может и к Аньке никогда не вернется.

– Он сообщил об этом своей жене?

– Не знаю, – беззаботно отозвалась Маргарита.

– Вам что же, все равно?

– Абсолютно, – пожала она плечами.

– И вам не жаль сестру?

– Аньку? Я этой дурочке давно говорила, что Сашка ей не пара.

– А вам, значит, пара?

– Как выяснилось, мне тоже не пара, – мимолетная улыбка скользнула и растаяла на пухлых розовых губах женщины. – И потом, вам не стоит волноваться, – добавила она.

– В смысле? – искренне удивился Наполеонов.

– Аня сказала мне, что они решили сойтись и что это решено окончательно.

– Они не смогут сойтись, – тихо проговорил следователь.

– Не вижу, что им может помешать! – возразила Маргарита, – лично я теперь буду обходить эту сладкую парочку стороной.

– Фалалеева убили, – сказал Наполеонов.

– Как это убили? – не поняла она или сделала вид, что не поняла.

– Стукнули бутылкой по голове.

– В подъезде?

– Нет, на его собственной даче.

– Какой ужас!

– А со своей сестрой вы виделись давно?

– Она пришла ко мне два дня назад вечером и заночевала.

– И зачем же она к вам приходила?

– Понимаете, Аня однолюбка. И она очень любит Сашу, – Маргарита опустила глаза и стала разглаживать полы своего халата.

– И что?

– У них был заказан зал в ресторане «Камелия».

– Ну, – Наполеонов по-прежнему еще ничего не понимал.

– Они собирались там отметить свое воссоединение. Аня всех оповестила, пригласила, а Сашка взбрыкнул прямо накануне.

– Понимаю, неприятно. Но что она хотела от вас?

– Заверения, что с моей стороны с Сашей покончено навсегда.

– И она, насколько я понимаю, это заверение получила?

– Конечно! И предложила отметить.

– Что отметить? – не понял следователь.

– Это событие.

– Вы меня запутали! Вы же сказали, что Фалалеев взбрыкнул и возвращаться к жене отказался?

– Ну, отказался. И что с того?

– Дьявол вас побери! – вырвалось у Наполеонова.

– Не ругайтесь! – Маргарита погрозила следователю пальцем и возмутилась: – Какой вы тугодум!

– Я?!

– Вы, конечно! Я ведь вам русским языком сказала, что прогнала Сашку! И, значит, идти ему, кроме как к Анне,

некуда.

– Насколько я знаю, у него есть собственная квартира...

– Это неважно! – перебила его Маргарита, – Сашка всегда или со мной, или с Анной.

У Наполеонова это в голове не укладывалось, но он продолжил:

– И Анна предложила вам отметить ваш отказ от ее мужа?

– Типа того, – улыбнулась Маргарита.

– И вы отметили?

– Я не хотела огорчать свою милую кузину, и мы хорошо выпили. Когда я проснулась утром, то Анны уже не было. Но днем она позвонила мне и сказала, что Саша подтвердил, что мы с ним расстались навсегда. Голос у нее был звенящим от счастья.

– На какой телефон она вам звонила?

– На домашний.

– Это все?

– Нет, ночью, уже где-то под утро, Анна неожиданно позвонила снова и в слезах твердила, что Саша не вернулся домой.

– А должен был?

Маргарита пожала плечами:

– Откуда мне знать? Я, как могла, успокоила ее, велела выпить валерьянки и лечь спать.

– Во сколько она звонила вам в последний раз?

– Я не помню, – Маргарита капризно повела плечом, – за

окном еще было темно.

– И все-таки, сколько было времени? – настаивал Наполеонов, – сейчас и в семь утра темно!

– Не знаю, – рассердилась Максименкова, – я не смотрела на часы.

– Постарайтесь вспомнить! Это важно! – настаивал следователь.

– Может, три утра, может, пять. А может, меньше или больше. Но я не уверена.

– Счастливые часов не наблюдают, – ядовито заметил следователь и спросил: – Во сколько же вы легли спать?

– А вам какое дело?! – огрызнулась Маргарита.

– Раз спрашиваю, значит, есть дело. Но уж точно не для расширения кругозора интересуюсь.

– У меня была бессонница, – ответила она сердито, – я не спала до утра.

– Интересно...

– Ничего интересного!

– И часто это с вами случается? – спросил Наполеонов.

– Довольно часто.

– Вы выходили из дома?

– Нет!

– А что вы делали?

– Думала...

– О чем?

– Не ваше дело! – резко ответила она.

– Вы курите? – неожиданно спросил Наполеонов.

– Да, а что?

– Минздрав предупреждает...

Маргарита звонко рассмеялась.

«Незаметно, чтобы она печалилась по поводу гибели любовника, пусть и бывшего», – подумал Наполеонов, а вслух попросил:

– У вас не найдется немного воды?

– Воды?

– Пить очень хочется.

Когда она выпорхнула из комнаты, Наполеонов взял из пепельницы пару окурков и быстро их спрятал. Он добросовестно выпил принесенный Маргаритой стакан воды и распрощался.

И уже на пороге спросил:

– Вы уверены, что не убивали Фалалеева?

– Что?! – удивилась она вполне искренне и вдруг разозлилась: – На кой черт мне его убивать, если я его выставила?!

– Последний на сегодня вопрос, на какой телефон звонила вам ночью или под утро Фалалеева?

– На сотовый, – не задумываясь, ответила Маргарита.

Наполеонов кивнул и едва успел шагнуть за порог, как дверь за ним с грохотом захлопнулась.

– Так, – пробормотал он, спускаясь по лестнице, – Фалалеева утверждает, что не видела кухню уже две недели, а Маргарита Иннокентьевна Максименкова уверена, что Анна

Васильевна приходила к ней два дня назад вечером, то есть, можно сказать, почти накануне убийства Фалалеева.

Сверху по лестнице с визгом пронеслась болонка. Наполеонов невольно посторонился, прижимаясь к стене.

– Не бойтесь, – добродушно пробасила дородная дама, спустившаяся двумя минутами позже, – моя Фенечка не кусается.

– Я так и понял, – сердито ответил следователь, думая о своем, – а что, если Фалалеева, встревожившись отсутствием мужа, поехала на дачу? – Наполеонов вздохнул: – Получается, сразу две нестыковки. Первая – друзья уверяли, что Анна на дачу мужа никогда не ездит, и вторая – почему она не сказала, что была у Маргариты два дня назад?

Следователь сел в автомобиль и тронулся с места. Под колесами приятно зашуршали опавшие листья. Но Наполеонов не слышал их шороха, погруженный в свои мысли.

«Маргарита могла солгать, – думал он, – и скорее всего, лжет именно она».

Предъявлять Максименковой туфлю и записку пока не входило в его планы. Ему нужны были данные экспертизы. Для этого он и окурки прихватил. Конечно, изъятые таким образом, они не могут быть учтены судом. Но для сравнения с найденными на даче очень даже пригодятся. А уж потом, если их идентичность подтвердится, он изымет новые в присутствии понятых. В том, что новые окурки будут найдены в квартире Маргариты, он не сомневался. Бросать курить-то

дамочка, по всему видно, не собирается.

Следователь осуждающе покачал головой:

– Для таких закон не писан.

Максименкова, несмотря на ее красоту, произвела на следователя отталкивающее впечатление. Может быть, дело было в ее кажущемся высокомерии или в легком отношении к жизни, которое она продемонстрировала следователю?

– Не нравится она мне, – пробормотал себе под нос Наполеонов, – не нравится, и все тут!

Но антипатию к делу не пришьешь. Нужны прямые доказательства. Пока ясно одно – алиби у Максименковой нет. Никто ее в то время, когда произошло убийство, не видел, ни с кем она не общалась...

\* \* \*

На следующий день Наполеонов явился на работу спозаранку, вечером ему удалось вручить окурки Незовибатько и уговорить его провести экспертизу к сегодняшнему дню.

Следователь сидел в своем кабинете и слушал тишину за окном. Звонить эксперту было рано, Афанасий Гаврилович небось еще только завтракает со своей разлюбленной Оксаной Федоровной.

«Эх, живут же люди, – мысленно вздохнул Наполеонов, – в любви и согласии столько лет. Может, и мне жениться на радость маме?»

Он невольно улыбнулся, вспомнив, сколько усилий прилагала его мама Софья Марковна Наполеонова, чтобы поскорее женить сына. А он, ссылаясь на свою молодость и занятость на работе, ловко спроваживал одну претендентку на свою руку и сердце за другой.

– Пойми, ма, – говорил он, стараясь быть убедительным, – нет у меня времени на семью!

– А на посиделки с Мирославой и компанией время у тебя есть, Шурочка?! – наступала Софья Марковна.

– Это совсем другое, – отмахивался Шура, – там у нас продолжение обсуждения рабочих моментов и коллективный поиск истины.

– Да-да, конечно, – усмехалась Наполеонова.

– Ну, ма, не будем ссориться, – ластился Шура.

– Конечно, не будем, – соглашалась Софья Марковна.

Подруги утешали ее:

– Софи, просто твой мальчик еще не влюбился. Вот встретит свою вторую половинку и потеряет голову.

– Когда же это случится? – вздыхала Наполеонова.

– Однажды, – заверяла самая мудрая из подруг и заговорщически подмигивала, намекая на то, что сама Софья Марковна вышла замуж вовсе не юной девочкой.

Да, и это было правдой. Известной пианистке было за тридцать, когда она познакомилась с молодым, но уже много добившимся ученым Романом Наполеоновым. Можно сказать, что Софья почти что буквально потеряла тогда голо-

ву, но виду не подала. К счастью, Роман ответил ей взаимностью, и они поженились. Ровно через год у них родился сын.

Но судьба не дала супругам насладиться долгим семейным счастьем. Роман Наполеонов вылетел на симпозиум в Японию. Самолет до Токио не долетел.

Софья Марковна и слышать не хотела о новом замужестве. Смыслом ее жизни стал сын Шурочка и оставшаяся с ней музыка.

Наполеонов подошел к открытому окну и выглянул на улицу. Густой туман, окутывавший город так, что мало что было видно, почти полностью рассеялся. Сквозь оставшуюся легкую дымку просвечивало солнце, и создавалось такое впечатление, что город облили с неба медом.

– Красиво! – вырвалось у Наполеонова.

И он тут же подумал о том, какая красота царит сейчас на приусадебном участке его подруги детства Мирославы Волгиной. Неосознанно он перенесся на кухню особняка. Перед его внутренним взором предстала и вовсе соблазнительная картина – Морис Миндаугас, колдующий над кастрюлями и сковородками, в которых что-то тихо булькало и скворчал.

Наполеонов проглотил слюну и вздохнул. Но тут же напомним себе, что он съел аж четыре бутерброда и запил их горячим чаем. А если бы не умчался из дома ни свет ни заря и дождался бы завтрака, приготовленного матерью, то и вообще думал бы не о еде, а о деле.

– Да! О деле! – произнес он вслух, вернулся за стол и разложил бумаги. В дверь постучали пару раз, и она тотчас распахнулась.

– Ах, Александр Романович! – воскликнула влетевшая секретарь Элла, – как вы сегодня рано!

Наполеонов открыл рот, чтобы возмутиться ее вторжением, но она застрекотала, не дав ему произнести ни единого слова:

– А я как знала! Как знала!

– Да что ты знала? – удалось вклиниться Наполеонову.

– Что вы пришли! И, как всегда, голодный!

– Я не голодный!

– Ну, просто, как знала, – продолжала она, не слушая его, – я по пути купила ванильные булочки, – она бухнула пакет прямо ему на стол, – сейчас чай принесу!

– Элла! У меня на столе документы!

– Вижу, вижу, – зачирикала она, – какая прелестная туфелька! – Она уставилась на фотографию найденной на даче Фалалеева туфли и печально вздохнула: – Но мне таких туфель никогда не носить!

– Это еще почему? – спросил следователь.

– Потому, что я секретарь!

– Ну, и что с того, – не понял Наполеонов, – секретари что, босиком должны ходить?

Элла подозрительно уставилась на следователя.

– Ну, что ты так на меня смотришь? На мне узоров нет, –

фыркнул он.

– Вы чего? – недоверчиво спросила Элла, – на самом деле не понимаете или притворяетесь?

– Чего я не понимаю?! – рассердился Наполеонов.

– Того, что эти туфли стоят ваше годовое жалованье! – выпалила девушка.

– Мое годовое жалованье? – не поверил следователь, – ты ничего не путаешь? Какие-то жалкие башмаки...

– Я ничего не путаю! И вовсе они не жалкие! Любая женщина мечтает о таких!

– Ну, уж с этим позволю не согласиться, – усмехнулся Наполеонов, вспомнив Мирославу.

Он не сомневался, что его подруга ни за что не станет отдавать за туфли не то что годовое жалованье следователя, но и десятую его часть. И при мысли об этом он зауважал ее еще больше.

– Ну да, – усмехнулась Элла, догадавшись, о чем он думает, – таких, как Волгина, единицы.

– Жаль, – констатировал Наполеонов, – но не в этом дело, раз ты у нас такой эксперт по башмакам, подскажи, где их можно купить, – он кивнул на фотографию, – за границей?

– Почему обязательно за границей, – сказала Элла, – например, в бутиках в центре города.

– А еще?

– Еще, может быть, в «Итальянской слободе», – задумчиво проговорила Элла.

– А это что такое?

– Магазин элитный на Герасименко.

– Буржуйский, значит?

– Ну...

– Все понятно!

– Но такой обуви даже хозяева элитных магазинов много не закупают. Их может быть не более двух-трех пар.

– Да? Ты молодец, Элла! Неси чай! – Наполеонов раскрыл пакет с булочками и зажмурился от удовольствия, – какой аромат!

Вернувшаяся через пару минут Элла поставила перед ним чашку дымящегося чая и собралась уходить.

– Подожди, Элла, возьми половину себе, – он протянул ей пакет.

– Нет, – отмахнулась она, – это все вам! Я за фигурой слежу.

– Ну, как знаешь.

– К тому же я не удержалась и одну по дороге слопала, – покаянно вздохнула девушка и, не дожидаясь комментария следователя, исчезла за дверью.

Наполеонов улыбнулся и покачал головой. Когда он доел третью булочку, телефон на его столе ожил.

– Алло? – схватил трубку следователь.

– Чего жуем? – донесся до него голос Незовибатько.

– Булочки...

– Вкусные?

– Очень!

– Может, тогда тебе больше ничего для счастья и не надо? – прозвучал насмешливый голос эксперта.

– Надо, надо! – торопливо заверил Наполеонов.

– Но раз надо, то слушай. У жертвы в крови обнаружена приличная доза снотворного.

– Снотворного?

– Ага.

– То есть убийство было спланированным?

– Это уж тебе решать.

– Ну да...

– Окурки, принесенные тобой, идентичны взятым с дачи жертвы, и по отпечаткам пальцев, и по ДНК.

– Понятно...

– На записке тоже те же отпечатки, но затертые.

– Спасибо.

– Но, может, тебя заинтересует тот факт, что отпечатков жертвы на записке нет.

– Странно...

– Я тоже так думаю.

– Может, Фалалеев брал ее в перчатках? – бухнул Наполеонов.

– А может, и в валенках, – хмыкнул Незовибатько.

– Возможно, убийца забрал записку, затер отпечатки, а потом случайно обронил ее? – предположил Наполеонов.

– Чего на свете только не бывает, – откликнулся Незови-

бацько і распрощаўся.

– Ітак, што мы імеем? – спрасіў сам сябе Напалеонаў. І доўгую апошнюю булочку, сам сабе адказаў: – Окуркі на даче пакінула Маргарыта Максіменкава, там жа знайдзена запіска, напісанная ёе рукою. На орудзіі забіцтва – бутэлке – адпечаткі ёе палецаў. Застаецца толькі разабрацца з туфлямі і даказаць, што яна прыналежыць ёй.

Аветіку Грыгор’яну было паручана адправіцца к вдове Фалалеева і ўзяць у ёе фотаграфію Максіменкавай. Напалеонаў быў упэўнены, што такая ў ёе існуе.

Дверь апэратывніку адкрыла высокая светлавалосая жанчына са злёгка раскосымі серымі вачыма.

– Вы хто? – удзіўлена спрасіла яна.

Аветік дагадаўся, што яна кога-то ждала, паэтому і распахнула так торопливо перад ім дверь.

– Старшы лейтэнант паліцыі Грыгор’ян Аветік Арменавіч, – ён развернуў сваё ўдостоверенне.

Яна чутка нахінула галаву, разглядаючы яго, і выбіваўшаяся з прычэскай светлая прядь валос упала на ёе высокую скулу.

– А вы Анна Васільевна Фалалеева? – спрасіў, у сваю чаргу, апэратывнік.

– Не, я Аніна падруга, Людміла Сяргеевна Лук’янова. Аня ў Сашыным кабінете, праходзіце, пажалуйста.

Аветік, не аглядаючыся, прашёл у указаным ёму напраў-

лении.

Анна сидела на диване и держалась за щеку, точно у нее болели зубы. Она даже не посмотрела в сторону оперативника, пока вошедшая в комнату следом за ним Людмила не сказала:

– Аня, к тебе из полиции.

– Из полиции? – переспросила та бесцветным голосом, отняла руку от щеки и посмотрела на Григоряна светло-голубыми, почти прозрачными глазами. Взгляд у нее был отсутствующий. Аветику пришло в голову, что женщина приняла слишком много успокоительного.

– И что вам всем от меня надо? – спросила она.

– Не могли бы вы на время дать нам фотографию Максименковой?

– Фотографию Маргариты? Зачем? – В голосе женщины прозвучало слабое удивление.

– Для оперативной работы! – отчеканил Григорян.

– Для работы?

– Странно. Впрочем, Люда, – обратилась она к подруге, – покажи ему альбомы, пусть выберет.

Лукиянова кивнула и, дотронувшись до рукава оперативника, сказала:

– Пройдемте со мной.

Она провела его в гостиную, предложила сесть в большое мягкое кресло возле низкого журнального столика и, достав из стенки несколько альбомов, положила их перед Авети-

КОМ:

– Вот, выбирайте.

– Не подскажите, какой из них по времени последний? – спросил Григорян, устремив на женщину свои темные глаза, похожие на две черносливины.

– Вот этот, – указала она рукой на один из альбомов.

– И в нем есть Маргарита Максименкова?

– Конечно.

– Спасибо.

Аветик раскрыл альбом и стал его листать.

– Вот она, – ткнула Лукьянова в фотографию смеющейся молодой женщины.

«Красавица!» – невольно подумал Аветик.

Выбрав две фотографии, он спросил у Лукьяновой:

– Я возьму эти, хорошо?

Она кивнула и потом быстро спросила:

– Но вы ведь их потом вернете?

– Конечно, – заверил он и направился к двери, – я не буду прощаться с хозяйкой. Ей явно не до меня, – добавил он на ходу.

– Да, Ане сейчас очень плохо, – подтвердила женщина, – у них с Сашей такая любовь была.

– Да? – замедлил шаг оперативник.

– Через две недели они должны были отметить свое воссоединение. Уже гости приглашены. А тут такое!

– Если у них была, как вы сказали, такая любовь, то поче-

му они расставались? – поинтересовался он небрежно.

– Это все она! – Людмила ткнула на фотографии Маргариты в руках оперативника.

– Разве большой любви может помешать кто-то третий? – невинно обронил Григорян.

– Вы еще очень молоды! – пылко возразила женщина, – и неопытны. А знаете, какие бывают женщины?!

– Какие?

– Настоящие ведьмы! – выпалила Лукьянова.

– Вы хотите сказать, что Максименкова ведьма?!

– Ведьма! И не сомневайтесь.

– Но, простите, в наше время...

– О! Товарищ полицейский, ведьмы всегда были, есть и будут! – горячо заверила Людмила.

– Хорошо, – решил он не спорить, – но если пара решила воссоединиться, то, выходит, ведьмины чары перестали действовать?

– Выходит, что перестали, – согласилась Лукьянова, – прозрел Сашка. За что и поплатился, – констатировала она.

– Так вы считаете, что Фалалеева убила Максименкова?

– А разве вы так не считаете? – с лукавой усмешкой кивнула она на фотографии.

– Ну...

– В таком случае, зачем они вам понадобились?

– Не мне, а следователю.

– Тем более! – отрезала женщина.

– А Фалалеева тоже считает, что ее мужа убила Маргарита?

– Аня-то? Нет, она не верит в виновность Маргариты.

– Почему?

– Говорит, что они с детства вместе, и Марго, по мнению Анны, на это не способна.

– А по вашему мнению, значит, способна?

– Способна, и еще как способна, – кивнула Людмила.

– Вы говорите, что Маргарита и Анна дружили с детства.

– Это всем известно.

– И были близкими подругами?

– Можно и так сказать, но вообще-то они двоюродные сестры, – подтвердила женщина.

– Но тогда я не понимаю, как же Маргарита так могла поступить со своей сестрой?

– Я и говорю, товарищ оперативник, что вы женщин не знаете.

– Может быть...

– Маргарита вообще редко мимо каких штанов могла спокойно пройти.

– Даже так?

– Конечно, она выбирала лучших, – подмигнула ему Лукьянова.

– И Фалалеев относился к этой категории?

– В какой-то мере, – неопределенно намекнула женщина.

– Я вас не совсем понимаю...

– Если Сашка – Анин жених, то значит, лакомый кусочек!

– Это почему же?!

– Да потому что, кто у Ани папа?!

– Не понимаю...

– Полковник! – многозначительно произнесла Лукьянова.

Это ни о чем не говорило Аветику, полковниками были его дед и отец. Ну, и что с того? Однако он ни о чем не стал переспрашивать Людмилу.

Ринат тем временем должен был обойти элитные обувные магазины и постараться узнать, кто именно купил красные туфли, одна из которых проходит по делу вещественным доказательством. Для этого случая следователь и вручил ему добытые Григорьяном фотографии Маргариты Максименковой.

Но так получилось, что эту задачу следователь поставил перед ним только на следующий день.

Отправляясь на задание, Ахметов вспоминал свое утро. Началось оно, как всегда, со вкусного завтрака, приготовленного руками его любимой жены Гузели.

Ринат не только обожал свою жену, но и гордился ею. Его Гузель была не просто красивой женщиной и хорошей хозяйкой, но и талантливым преподавателем. Она открывала перед своими студентами безграничные просторы романно-германской литературы и языка.

Гузель писала диссертацию, и ее темой было творчество

Гете. Собственно, и познакомились они на лекции, куда он, Ринат, попал чисто случайно.

Ахметов вспомнил свою первую встречу с прекрасной девушкой по имени Гузель и улыбнулся.

Но теперь у него не одна, а целых две красавицы.

Вторая это дочь Айгуль. Гуля...

Погода стояла просто чудесная. Ушедшее лето щедро обрызгало землю золотистыми красками, и отблески зноя все еще плескались по обочинам дорог, на зеленых лужайках, в садах и во дворах на клумбах переливами ярко-желтого и золотистого...

Гуля вприпрыжку бежала впереди отца. Вдруг она остановилась.

– Папа, как ты думаешь, где осень прячет свои тюбики и кисти?

– Какие тюбики? – не понял Ринат.

– Ну, как же! – воскликнула Гуля, – она же работает ночью!

– Кто она?

– Да осень же!

– Ах, осень... – улыбнулся Ринат.

– Конечно! Днем она расхаживает по своим владениям и любит. А еще смотрит, где что нужно доделать, изменить, подкрасить, прорисовать. И вот, когда наступает ночь, она берется за работу.

– Понятно.

– Ничего тебе непонятно, – притворно вздохнула Гуля, – вот Светлана Васильевна говорит, что все мужчины, как дети.

Светлана Васильевна была заведующей садиком, в который ходила дочь Рината.

– Но твоя мама считает меня настоящим мужчиной! – Ринат расправил плечи и гордо выпятил грудь, глядя на дочку с улыбкой.

– Может быть, мама заблуждается? – бросила Гуля на отца лукавый взгляд.

– Мама не может заблуждаться, – уверенно сказал Ринат.

– Почему?

– Потому, что она мама!

Гуля подумала и согласно кивнула.

– Ладно, – сказала она, – про осень ты ничего не знаешь, но скажи мне хотя бы, когда мы пойдем в зоопарк?

– В выходной, – бодро заверил дочку Ринат.

– А когда он будет? – поинтересовалась девочка.

– В ближайшее воскресенье.

– Ты уверен? – Гуля пытливо заглянула в глаза отца.

– Ну, конечно... – проговорил он неуверенно.

– Папа, ты же знаешь, – укоризненно проговорила дочь, – что воскресенье и твой выходной – это не одно и то же.

Ринат вздохнул.

– Ну, ладно, не расстраивайся, – Гуля подбежала к отцу и крепко обхватила его ноги, она подняла голову и посмотрела

ему в лицо, – я подожду сколько надо. Я очень люблю тебя, папа.

– Спасибо тебе, радость моя, – Ринат подхватил девочку на руки и крепко прижал к себе.

– За что? – тихо прошептала она ему на ухо.

– За понимание, – ответил он так же тихо, опустил дочь на дорогу, и они зашагали в садик.

А на работе его уже ждал Наполеонов.

– Ну, где ты пропадаешь? – воскликнул следователь.

– Так до начала рабочего дня еще десять минут.

– У оперов рабочий день не нормированный, – завелся следователь, потом махнул рукой, – да ладно, не обращай внимания. Это я от нетерпения. Вот тебе фотография подозреваемой. Вот адреса магазинов и фото туфельки. Узнай, что за Золушка ее купила.

– А это реалистично? – засомневался Ахметов.

– Вполне. Но фотографию подозреваемой сразу не предъявляй, пусть ее сначала как следует опишут свидетели.

– Хорошо, я пошел.

– Иди.

В первом же элитном обувном магазине Ринат был ошарашен ценами на, казалось бы, самые простенькие туфельки.

Те, что они купили недавно Гузель, выглядели намного красивее, а стоили как минимум в сто раз дешевле.

«Эти туфли, наверное, из кожи сказочного единорога», – усмехнулся он про себя.

Оглядев представленный товар, Ахметов не нашел туфель, похожих на ту, что была на фотографии.

К нему уже подлетела юная фея и осведомилась:

– Чем я могу вам помочь?

И, несмотря на то, что в голосе ее были слышны нотки сомнения в том, что Ахметов может позволить себе купить обувь для своей женщины в их магазине, заученная улыбка светилась на губах девушки.

– Мне нужны вот такие туфли, – он протянул ей фотографию.

Девушка внимательно посмотрела на нее и сказала:

– У нас таких нет и не было.

– Как жаль...

– Но мы можем предложить вам...

– Нет, моя жена хочет только такие, – твердо заявил Ринат.

Девушка посмотрела на него уважительно.

«Надо же, – читалось на ее милом личике, – сам, судя по всему, далеко не богач, а ради жены готов выложить такую сумму. Вот это любовь!»

Ринат догадался, о чем она думает, и улыбнулся, искренне поблагодарив Аллаха за то, что Гузель никогда не придет в голову требовать от него подобных жертв.

Девушка тем временем замешкалась и неожиданно сказала:

– Такие туфли были в «Лизавете» на Пролетарской. Там у меня подруга работает, – поспешно добавила она, – но бо-

уюсь, что туфли уже купили, так как была всего одна пара.

– Спасибо, – сказал Ринат, – но я все-таки съезжу в магазин, вдруг мне повезет. Вы не подскажите адрес?

– Да, конечно, – она быстро чиркнула ему адрес на визитке своего магазина.

– Спасибо! – Ринат одарил девушку искренней улыбкой. Выйдя из автобуса на Пролетарской, он быстро нашел магазин.

«Какая ирония истории, – подумал он, – элитный магазин для буржуев на Пролетарской улице».

В магазине его встретили как самого дорогого гостя, несмотря на то, что его внешний вид не тянул на фасад нового русского, впрочем, как и татарского богача. Хотя наученные опытом продавцы могли предполагать в нем замаскированного миллионера Корейко...

Но на этот раз Ахметов недолго их томил, как только девушки сообщили ему: «Да, такие туфли были, но проданы», – он предъявил им удостоверение.

– А теперь, милые барышни, – по-отечески ласково улыбнулся Ринат, – скажите мне, кто их купил.

– Как кто? – растерялась одна из них.

– Молодая красивая женщина, – сказала другая.

– А заплатил за них мужчина, – добавила вторая нерешительно.

– То есть они были вдвоем?

– Да, конечно.

– Вы могли бы описать женщину?

– Описать?

Ринат кивнул.

– Она была высокая, с хорошей фигурой, волосы светлые.

– Блондинка? – уточнил он.

– Да.

– Крашенная?

– Нет, натуральная, – уверенно сказала вторая девушка.

– А глаза?

– Ярко-зеленые.

– Это она? – Ринат протянул девушкам фотографию Маргариты Максименковой.

– Да, это она, – сразу подтвердили обе девушки.

– Такую красавицу трудно забыть, – вздохнула с плохо скрываемой завистью первая из девушек.

– Но вы тоже далеко не дурнушка, – приободрил ее Ринат, и она благодарно улыбнулась ему в ответ.

– А теперь опишите ее спутника.

– У вас и его фотография есть? – спросила одна из девушек.

– Увы.

– Это был представительный, довольно высокий, примерно, как вы, мужчина, тоже широкоплечий, но старше вас. Ему точно за тридцать.

– Лет тридцать пять, – подумав, добавила вторая девушка, – а может быть, и ближе к сорока.

– Он шатен, – вспомнила первая, – глаза карие. На пальце правой руки печатка.

– На каком пальце?

– На среднем.

– А еще от него пахнет деньгами.

– Разве деньги пахнут? – улыбнулся Ринат.

– Еще как! – заверили его девушки.

– Странно, Веспасиан утверждал обратное.

– Кто это?

– Да так, один император.

– Ошибался ваш император, – уверенно произнесла первая девушка.

Вторая, видимо, знала, кто такой Веспасиан, потому что насмешливо подмигнула Ринату.

Поблагодарив продавцов, оперативник отправился с добытым материалом к следователю.

Обернувшись на прощание, он увидел, как одна девушка что-то говорит другой, а та брезгливо морщит нос и хихикает. Видимо, одна из подруг просвещала другую о введении императором Веспасианом налога на общественные туалеты, сделав их платными. На возгласы возмущенных граждан император ответил, что деньги не пахнут.

## Глава 2

Ожидая клиента в кабинете, Мирослава какое-то время раздумывала, позвонить ей Белозерскому или нет. Взвесив все «за» и «против», решила, что поговорить с Яном ей лучше после того, как она выслушает человека, которого он к ней направил.

Ян Белозерский был старинным другом Мирославы. По-знакомились они в институте.

Мирослава какое-то время, как и ее друг детства, Шура Наполеонов, работала следователем, но потом ушла на вольные хлеба, решив, что для нее сподручнее вести расследование, не подчиняясь никому, кроме себя самой и, естественно, закона...

А Ян отправился в адвокатуру. Довольно скоро он стал не просто хорошим адвокатом, у него появилась репутация неподкупного профессионала, сражающегося за своего клиента до последней, подчас иллюзорной, возможности.

За дела «тугих кошельков» он брался в тех исключительных случаях, когда был уверен, что клиент не виновен, его подставили или он оступился в силу непреодолимых обстоятельств, совершил преступление по ошибке, случайно. Основной его контингент – представители малого и среднего бизнеса, творческих и научных профессий и менее обеспеченные граждане.

Мирослава знала, что пару раз в год Ян берется вести запутанные дела малоимущих, а то и откровенно бедных людей. Год тому назад ему удалось добиться полного оправдания бомжа, которого обвиняли в двойном убийстве.

Откуда ей это известно? От себя самой, так как Ян тогда обратился за помощью к ней, и она нашла настоящего убийцу, переложив при этом бремя доказательств на Наполеонова. Он с задачей справился на пять с плюсом и получил благодарность начальства, то есть лавры, к которым был равнодушен, хотя и старался тщательно скрывать эту свою маленькую слабость, к которой Волгина была более чем снисходительна.

В случае необходимости, например, чтобы заставить Наполеонова рыть носом землю на ровном месте, она нажимала именно на это уязвимое место своего старинного друга. И он старательно рыл, даже рискуя своей карьерой, так как не помнил случая, когда бы Волгину подвела ее интуиция или еще нечто необъяснимое с точки здравого смысла, чем она пользовалась в своих расследованиях.

Мирослава же в тот раз обошлась простым «спасибо» от Яна. А Белозерский решил довести доброе дело до конца и не успокоился, пока не устроил судьбу своего бывшего подзащитного. Сейчас бывший бомж имеет жилье, пусть и скромное, – комнату в коммуналке, но зато свою, и прилично оплачиваемую работу.

И теперь Мирослава гадала – работать на адвоката ей при-

дется на этот раз за деньги или бесплатно...

Она фыркнула точно так, как ее кот Дон, и тот, потянувшись в кресле, муркнул ей в ответ. Мирослава сочла это добрым знаком.

Клиент приехал на десять минут раньше назначенного срока. Он вошел в кабинет решительной походкой и представился:

– Глеб Валентинович Басаргин.

– Мирослава Игоревна Волгина, – произнесла Мирослава в ответ, хотя клиент уже и так знал ее имя. – Садитесь, пожалуйста, – она указала ему на кресло.

Он сел и сразу взял быка за рога:

– Я хочу нанять вас для расследования дела, – он на секунду замялся, но тотчас так же решительно продолжил: – Моей невесты Маргариты Максименковой.

– В чем обвиняют вашу невесту?

– В убийстве бывшего любовника, – ничуть не смущаясь, произнес Басаргин.

– Она с ним рассталась?

– Да.

Мирослава внимательно рассматривала симпатичного мужчину, не отводившего взгляда от нее. Ей нравилось его волевое лицо, глубокие карие глаза, коротко постриженные каштановые волосы. И даже печатка с сердоликом не раздражала, хотя украшения на мужских руках не вызывали у нее восторга.

По взгляду Басаргина и по проскальзывающим в его голове тревожным ноткам она догадывалась, что он испытывает к Маргарите серьезное чувство и готов ради нее на все или «почти на все», уточнила она про себя.

– Глеб Валентинович...

– Можно просто Глеб, – быстро поправил он.

– Хорошо, Глеб, как давно рассталась ваша невеста со своим бывшим?

– Не знаю, – несколько резко ответил он.

Мирославу это насторожило, и она задала следующий вопрос:

– Как долго длились их отношения?

– Я не вникал в то, что у нее было с этим Сашей. Не желаю копаться в ее прошлом. Мне это неинтересно.

– Бережете нервы? – спросила Мирослава.

– И это тоже, – согласился он.

– И все-таки мне нужно все знать более подробно.

– Ее адвокат Ян Белозерский обещал созвониться с вами и встретиться.

– Хорошо... – задумчиво проговорила Мирослава и неожиданно для клиента спросила: – А чем занимаетесь вы сами?

– В смысле? – не понял он.

– Чем зарабатываете себе деньги на жизнь?

– Ах, это, – ухмыльнулся он, – а почему вас это интересует?

– Потому что мои услуги стоят недешево.

– Меня предупредили об этом.

– Тем более.

– Можете не волноваться, я оплачу все сполна. Мне важен результат.

– И все-таки? – продолжала настаивать она.

– У меня свой бизнес – крупная строительная фирма. Удовлетворены?

– Вполне. А как называется ваша фирма?

Он порылся в кармане и положил перед ней визитку.

На самом деле Мирославу волновало не столько материальное обеспечение клиента, сколько то, чем он занимается. Профессия, род занятий человека могли многое о нем рассказать.

– Кто ведет дело вашей невесты?

– Некий следователь Наполеонов, – в голосе клиента прозвучали нотки раздражения и неприятия.

– И он уверен в виновности вашей подруги?

– Он не сказал это прямо, но дал понять.

– Много улик против нее?

– Он сказал, что да.

– А вы сомневаетесь?

– Я готов заплатить любые деньги, только вытащите мою Маргариту из этой грязи.

– Вы так уверены в ее невинности?

– Да, уверен. Маргарита способна на многое, но только не

на убийство.

Мирослава внимательно смотрела на него и молчала.

– Вы возьметесь за наше дело? – занервничал клиент.

– Я слишком мало узнала от вас. Поэтому ответ дам после разговора с адвокатом.

– Хорошо, – вздохнув, согласился он, – когда мне вам позвонить?

– Я сама позвоню вам.

Он снова вздохнул и поднялся со стула. Дойдя до двери, он обернулся и спросил:

– Можно я хотя бы внесу задаток?

– Потом, все потом, – ответила Мирослава.

– Но вы не отнимаете у меня надежду? – спросил он тихо.

– Надежду я вам оставляю.

– Что ж, и на этом спасибо, – горько усмехнулся он и покинул ее кабинет.

Глеб Басаргин, едва кивнув помощнику детектива, быстро вышел из дома, показавшегося ему совсем негостеприимным, и вывел свой автомобиль за ворота.

Мягкий свет заходящего солнца волнами накатывал на дорогу и так же тихо уходил в тень. День угасал медленно, зеленовато-серый цвет приглушал остывающие вспышки пурпура и золотые просветы. Осенние листья шуршали под колесами автомобиля. Глеб ехал на малой скорости, точно не спешил покинуть пределы поселка, в котором был и дом де-

тектива. Уж не надеялся ли он, что за ним побегут вслед, окрикнув, остановят, попросят вернуться...

«Какие глупые мысли лезут в голову», – подумал Глеб.

Он вспомнил, с каким едва сдерживаемым восторгом отзывался о способностях детектива адвокат Маргариты. Он так и сказал:

– Если кто-то вообще способен помочь вам, то это только Мирослава Волгина.

А на деле Волгина ничего ему не пообещала...

«Хотя, наверное, она права, – попытался быть объективным Басаргин, – я слишком мало предоставил ей материала для начала расследования. Но ведь я и сам почти ничего не знаю...»

Поселок закончился, охранники выпустили его с охраняемой территории, и вскоре он выехал на шоссе, где сразу прибавил скорость.

– Может, я дурак? – спросил сам себя Басаргин.

Он тяжело вздохнул:

«Ведь я практически ничего не знаю о прошлом Маргариты. Увидел ее и влюбился как мальчишка! Или как последний болван?!»

Вдоль шоссе потянулся редкий лес. Деревья, щедро одаренные осенью разноцветными нарядами, смотрели вслед проезжающим машинам, и Глебу почему-то показалось, что если бы они могли, то побежали бы за ними пестрой, шуршащей на бегу толпой. От представленной им картинки в душе

пробежал холодок страха.

«Все понятно, – подумал Басаргин, – не надо быть психологом, чтобы понять, что мои странные мысли – плод моей боязни потерять Маргариту. Я должен во что бы то ни стало помочь ей. А значит, и себе. И неважно, что и с кем у нее было до меня. Я ведь тоже далеко не мальчик. И в моей жизни были другие женщины. Но ни одну из них я не любил так сильно, как ее».

«Ради ее свободы и счастья я готов хоть под поезд!» – неожиданно промелькнуло в его мозгу.

И он сам изумился и испугался своей мысли, едва успев затормозить перед опустившимся шлагбаумом. Мимо на большой скорости промчался товарняк.

Басаргин рукавом пиджака стер пот со лба и не сразу тронул автомобиль с места. Придя в себя, он набрал номер адвоката.

– Алло, – ответила трубка голосом Яна Белозерского.

– Это Глеб Басаргин.

– Да, я понял.

– Я был у детектива и сейчас еду от нее.

– И что?

– Она хочет прежде, чем принять решение, поговорить с вами.

– Хорошо.

– Вы уверены, что она не откажется от нашего дела?

– На девяносто девять и девять десятых процента, – заве-

рил его адвокат.

– Спасибо.

– Пока не за что. Но вы не волнуйтесь так, Глеб Валентинович, – адвокат отключился.

«Легко ему говорить, не волнуйтесь», – подумал Басаргин.

Он представил Маргариту в камере предварительного заключения и вновь покрылся холодным потом. Она такая нежная, привыкшая к удобствам, и вдруг там, в этой грязи.

Маргарита позвонила ему на работу после того, как у нее провели обыск и увезли ее с собой. Он сразу помчался туда, узнал фамилию следователя и всеми правдами и неправдами благодаря своей напористости пробился к нему.

Но вся его энергия не помогла ему освободить Маргариту.

Следователь, Александр Романович Наполеонов, оказался довольно молодым человеком маленького роста с рыжеватыми волосами и желтовато-коричневыми глазами, слегка вытянутыми, как у лиса. Он ни на йоту не сомневался в виновности Маргариты. Потряс перед его носом туфлей, упакованной в целлофан:

– Узнаете?

Ошарашенный Басаргин спросил:

– Что я должен узнать?

– Туфлю!

– Но...

– Разве не вы оплатили ее приобретение?

– Ничего не понимаю! Почему она такая грязная?

– Потому что извлечена из мусорного бака рядом с домом Маргариты Максименковой.

– Но как она там оказалась?!

– Гражданка избавилась от нее после совершения убийства.

– Убийства?!

– Да! – рявкнул следователь и протянул ему фотографию, – вот и вторая!

– Чушь! – отмахнулся Глеб.

– Которая тянет как минимум на пятнадцать лет.

– И кого же она убила?! – Басаргин готов бы разорвать этого следователя на части.

– Своего любовника.

– Я! Я ее любовник! – ударил себя в грудь Глеб. – И, как видите, жив!

– Еще не вечер, – усмехнулся следователь.

– Вы что, издеваетесь? – побагровел Басаргин.

– Ничуть. Объясняю: Максименкова убила своего бывшего возлюбленного Александра Фалалеева на его собственной даче.

– Так! А причем здесь туфля?! Она его туфлей убила?

– Нет, убила она его бутылкой, предварительно одурманив снотворным.

– А причем туфля?! – взревел Глеб.

– Гражданка Максименкова выбросила ее в мусорный

контейнер.

– Зачем?!

– Затем, что вторую туфлю, ту, что на фото, она потеряла на даче.

– Как она могла ее потерять?

– Обыкновенно. Вы фильм про Золушку смотрели? – невинно поинтересовался следователь.

– Причем здесь Золушка?!

– Там наглядно показано, как дамы порой туфли теряют.

Глеб стоял перед следователем, распираемый яростью, и понимал, что если он немедленно не уйдет отсюда, то натворит бед. И он ушел, вернее, вылетел, даже не попрощавшись. Через полчаса он уже звонил лучшему в городе адвокату.

Ян Белозерский, проверив данные на Глеба Басаргина и убедившись, что тот чист перед законом, согласился встретиться немедленно.

Пока у адвоката было свидание с Маргаритой, Глеб сидел в своей машине. Но вскоре он вышел из нее и стал ходить взад-вперед недалеко от здания, в которое зашел адвокат.

К нему подошли и попросили предъявить документы. Он молча их предъявил и объяснил, что он тут делает.

– Вы бы сели лучше в машину, – предложили ему, – или вон там на лавочку. А бегать здесь не надо.

– Я не бегаю, – начал Глеб, но потом махнул рукой и забрался в салон.

Адвоката пришлось ждать довольно долго, и новости,

принесенные им, только еще больше опечалили Басаргина.

Белозерский сказал прямо, что улики против Маргариты много, и, чтобы опровергнуть их, нужно тщательное расследование.

По тому, как адвокат говорил и смотрел, Глеб понял, что у него имеются сомнения в достоверности этих улик.

– Но есть же следователь, – проговорил Басаргин, – разве он не заинтересован в расследовании дела?

– Заинтересован, – кивнул Белозерский, – но только он уверен в виновности вашей невесты.

– Но почему?!

– Если я вам скажу, что она ему не понравилась, то это прозвучит странно, но в этом есть доля истины. И потом...

– Как это не понравилась?! – изумился Басаргин. – Разве Маргарита может не понравиться?

«Может, и еще как, – подумал про себя Ян, – я и сам не в восторге от вашей невесты», – но вслух сказал:

– Не она сама, а ее поведение. Она с самого начала выбрала неправильную линию поведения со следователем. Вместо того чтобы все ему как-то объяснить, Маргарита нахамила Наполеонову.

– Да я бы его вообще! – вырвалось у Басаргина.

– Это не поможет делу, а только усугубит его.

– Что же делать? – растерянно спросил Глеб.

– Нанять частного детектива.

– Частного детектива? И вы думаете, будет толк? – с со-

мнением в голосе спросил Басаргин.

– Зависит от того, какого именно нанять детектива.

– Но как я угадаю?

– Не надо гадать! Обратитесь к Мирославе Волгиной. Если кто-то и может распутать эту ситуацию, то только она.

– Хорошо. Вы дадите мне ее координаты?

– Да, конечно. Но это будет дорого вам стоить.

– Неважно, – отмахнулся Глеб.

– Тогда пишите, – адвокат продиктовал ему телефон детектива.

– А адрес?

– Адрес она скажет вам сама. Когда будете звонить, трубку, скорее всего, возьмет ее помощник. Назовите себя и скажите, что рекомендацию дал вам я.

– Это сработает?

– Думаю, да, – скупой улыбнулся адвокат.

И вот теперь нужно было снова ждать.

Пока Глеб доехал домой, на улице почти стемнело. Элитный дом, в котором он жил, стоял в большом, можно даже сказать, огромном дворе, сам двор много чего включал в себя, в том числе и миниатюрный сквер со скамейками, клумбами, деревьями и небольшим фонтаном в самом его сердце. К этому фонтану и направился Глеб, выйдя из автомобиля.

Ему почему-то не хотелось подниматься в пустую квартиру. Глупо, конечно. Но что поделаешь, так порой устроены люди со всей их гаммой чувств и ощущений.

Мириады звезд томились в черных зрачках сентябрьского неба.

Холодный ветер без особой осторожности трепал листву, перелетал с одного дерева на другое. И вырывая из пышных крон разноцветные листья, охапками швырял их на дорогу.

Луна, покачивающаяся между облаков, была похожа на огромный хрустальный фонарь, наполненный изнутри розоватым свечением. Этот необыкновенный свет пробивался сквозь мерцающее стекло и крупными длинными каплями падал на листву, на влажный асфальт и на лица спешащих по своим делам в этот поздний час людей.

Безмятежность лунного света никак не влияла на суетный мир землян. И волшебный свет зазеркальных грез и томлений, льющихся сквозь дымные облака, казался нереальным... несуществующим, как сон, как мираж, как случайный всплеск воображения...

Незаметно для себя Глеб погрузился в воспоминания. Он вспомнил тот день, вернее, вечер, в который первый раз увидел Маргариту. Увидел и остолбенел!

Дело происходило в шикарном ресторане «Нептун», где отмечал свой юбилей один из его деловых партнеров. Он не удержался и спросил у своей соседки за столом, указав на понравившуюся женщину, – не знает ли она, кто эта блондинка.

Даму ничуть не смутил интерес Глеба, и она объяснила, что это Маргарита Максименкова, известный флорист, близ-

кая подруга Жанны.

Жанна Тропинина была как раз женой отмечавшего юбилей партнера Басаргина. К Глебу она относилась с большой симпатией, не столько из-за деловых качеств, которые были неоспоримы и помогали мужу Жанны наживать капитал, сколько из-за его порядочности. Довольно редкого качества в современных деловых кругах, где каждый был настороже, опасаясь подставы по-крупному или такого пустяка, как подножка по мелочи.

Поэтому Жанна при любом удобном случае твердила мужу:

– Держись за Глеба, он не предаст, можешь без опаски поворачиваться к нему спиной.

Муж сначала только хмыкал и даже интересовался со смешком, не влюбилась ли жена случайно в его партнера.

– Дурачок ты у меня, – усмехалась в ответ Жанна.

И вскоре, как следует приглядевшись к Басаргину, партнер понял, жена права – за Глеба надо держаться.

Как только закончилась обязательная часть праздника за столом с тостами и поздравлениями, Глеб пригласил Жанну на танец. А когда он завершился, попросил представить его своей подруге.

– Какой именно? – прищурилась Жанна.

– Вон той роскошной блондинке.

– Маргарите? А ты что, с ней незнаком?

– Не имел такой чести.

– Идем, познакомлю, – хмыкнула она и предупредила, – только учти, у нее репутация сердцеедки.

– Вот как? А как же ты с ней дружишь?

– Обычно, – ответила Жанна.

– И не опасаясь за своего мужа?

– Буду я еще чего-то опасаться, – хмыкнула Жанна, – в своем Валерке я уверена, он не из породы бычков, которых можно увести на веревочке.

– Да, Валерка у тебя бычок самостоятельный, – поддержал ее с улыбкой Глеб.

– Ну-ну! – погрозила она ему пальцем.

– Да я в том смысле, что с Валерой лучше не связываться, может разнести в щепки.

– Ага, – согласилась Жанна довольно.

Она подвела Глеба к Маргарите, разговаривающей с полным господином в роговых очках, и оттеснила его в сторону со словами:

– Извините, Олег Павлович, мы похитим у вас Марго.

Тот пожал плечами и отошел в сторону.

– Марго, – сказала Жанна, – знакомься, это партнер моего мужа и друг нашей семьи, Глеб Басаргин. А это моя подруга Маргарита Максименкова, известный флорист.

Маргарита и Глеб смотрели друг на друга, не отрываясь.

Жанна улыbnулась и проговорила с иронией:

– Ну ладно, вы тут пообщайтесь, а я, как хозяйка праздника, не могу все внимание отдавать только паре гостей.

Они, кажется, не услышали ее слов и не заметили ее ухода.

Маргарита пришла в себя первой:

– Странно, что мы ни разу с вами не пересекались.

– Почему? – спросил Глеб.

– Ну, раз вы друг и партнер Валеры, а я подруга Жанны, вроде должны были бы.

– Я не так уж часто бываю в доме у Валерия и Жанны.

– А... – протянула она.

– Вот на даче у них я бываю. Люблю отдохнуть на природе. А свою дачу, вернее загородный дом, только достроил и теперь благоустраиваю.

– А я, наоборот, не люблю дачу! – засмеялась Маргарита, – мне там скучно.

– Почему?

– Ну, самовар, шашлыки меня не слишком-то прельщают, рыбачить и собирать грибы я не люблю.

Они переглянулись и рассмеялись.

– А вы? – спросила Маргарита.

– Что я?

– Любите самовар, шашлыки, рыбалку, грибы?

– От хорошего чая и шашлыков не откажусь. В грибах ничего не понимаю, могу набрать целую корзину мухоморов.

– Мухоморов? – удивилась она.

– А почему бы и нет, – улыбнулся он, – они ведь красивые.

Маргарита весело фыркнула и спросила:

– А рыбу ловите?

– В супермаркете, – признался Глеб.

Зазвучала мелодия вальса, и Глеб пригласил Маргариту на танец. Он был выше ее примерно на голову, и ему все время хотелось уткнуться носом в ее пушистые волосы, источавшие нежный аромат.

С его губ невольно сорвался комплимент:

– Если бы Жанна даже не сказала, чем вы занимаетесь, я бы догадался.

Она вопросительно посмотрела в его глаза.

– Вы пахнете, как цветок...

Она улыбнулась и спросила:

– Как какой цветок?

– Боюсь показаться банальным, – смущенно проговорил он.

– И все-таки?

– Как фиалка...

Она продолжала улыбаться.

И Глебу показалось, что эта спокойная улыбка является такой же неотъемлемой частью ее внешности, как сами чувственные губы и как аромат, исходящий от нее.

Ему вдруг стало удивительно хорошо и появилось ощущение того, что он наконец встретил свою женщину и больше ему не о чем беспокоиться. Он заметил, что на ее руке нет обручального кольца, а это значит, что ему не придется отнимать ее у кого-то. Хотя не факт...

Но все-таки его отсутствие подействовало на настроение

Глеба самым благотворным образом. Он даже не стал спрашивать, замужем она или нет. Просто сообщил, что он не женат и ни разу не был.

– Как же вас так угораздило? – пошутила она.

Он пожал плечами:

– Наверное, повезло.

А про себя подумал, что судьба ограждала его от брака с другой женщиной, потому что ему была суждена она! Маргарита!

Побежали дни, которые складывались в недели, в месяцы. Маргарита отнеслась к его уходу благосклонно с самого начала, но все-таки поначалу держала дистанцию, и они встречались один раз в неделю, потом все чаще и чаще.

Через три месяца он повел ее в «Нептун» и сделал ей предложение в тот самый миг, когда из-под сцены выплыла раковина со скрипачом и из-под взмывшего смычка серебряной бабочкой вылетел первый серебряный звук дивной мелодии. Он смотрел в ее широко раскрывшиеся глаза, казавшиеся в тот миг лиловыми, точь-в-точь как распустившиеся ночные фиалки, и скорее не услышал, а прочитал по губам ее ответ:

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.